

ПЛАТОН

ДИАЛОГИ

Платон

Диалоги

Серия «Вся мудрость мира»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33383165
Платон. Диалоги: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-102225-9

Аннотация

«Диалоги» Платона являются одним из самых авторитетных источников понимания истории философии. Абсолютно все светские, религиозные и эзотерические теоретики ссылаются на тексты, оставленные Платоном, либо приписываемые ему. Читая труды Платона, составленные в виде этих великолепных по стилю диалогов, можно бесконечно удивляться мастерству изложения сложнейших вещей самым понятным способом, оставляющему после себя не догму, но стимул для развития и понимания как внешнего мира, так и внутреннего пространства человека.

Содержание

Предисловие	5
Евтифрон, или о благочестии	10
1	10
2	13
3	17
4	18
5	21
6	23
7	27
8	29
9	32
10	35
11	36
12	38
13	43
14	48
15	50
16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Платон

Диалоги

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Значение Платона для современной культуры и философии трудно переоценить и нелегко даже обозначить. Все философские концепции и школы черпали из его трудов, как из источника, вся западная философия буквально пропитана его духом, выросла из него. Множество терминов и понятий введены в обиход Платоном в совершенно разных областях человеческих знаний. Так, ему приписывают введение понятий «качество», «антипод» и «среднее пропорциональное».

Чрезвычайно разносторонний, талантливый, постоянно совершенствующийся человек с пытливым умом и пониманием неоднозначности любой точки зрения, он оставил потомкам свои «Диалоги» как образец создания образа идеи не косной, авторитарной, но открывающейся к развитию и углублению.

«Диалоги» Платона являются одним из самых авторитетных источников понимания истории философии. Абсолютно все светские, религиозные и эзотерические теоретики ссылаются на тексты, оставленные Платоном, либо приписываемые ему. Читая труды Платона, составленные в виде этих великолепных по стилю диалогов, можно бесконечно удивляться мастерству изложения сложнейших вещей самым понятным способом, оставляющему после себя не догму, но стимул для развития и понимания как внешнего мира, так и

внутреннего пространства человека.

Согласно Диогену Лаэртскому, настоящее имя Платона – Аристокл (др. – греч. Αρίστοκλῆς; буквально, «наилучшая слава»). Платон – прозвище (от греческого слова «plato» – широта), означающее «широкий, широкоплечий», которое дал ему Сократ за его высокий рост, широкие плечи и успехи в борьбе. В то же время существуют исследования, показывающие, что легенда о его имени «Аристокл» возникла в более позднее время.

Отцом Платона был Аристон, сын Аристокла, а матерью – Периктиона, происходившая из рода Солона-законодателя.

Один из самых образованных и состоятельных людей своего времени, Платон имел счастливую возможность, а также огромное желание учиться у величайших мудрецов и самых известных людей.

Первым его учителем был Дионисий, гимнастике он обучался у Аристона, дважды был победителем Олимпийских, а затем Немейских игр. Чтением, гимнастикой и музыкой Платон занимался сам и призывал своих учеников к тому же, придавая большое значение гармоничному развитию личности.

Он учился у комедиографов, у мимов и поэтов, занимался танцами и рисованием. Об этих искусствах и учителях этих школ мы знаем в значительной степени благодаря Платону.

В двадцать лет Платон стал учеником Сократа и провел в общении с ним десять лет, желая изучить этическую фило-

софию. Сократу он был не только преданным учеником, но и критиком.

После обучения у Сократа он отправился к пифагорейцам, изучал Кратила, последователя Гераклита, и Гермиппа, последователя Парменида. В связи с этим он написал два диалога – «Кратил» и «Парменид». Позже он отправился в Египет и возвратился, изучив там геометрию и жреческое искусство. В Финикии он узнал учение Зороастра.

Вернувшись в Афины, он учредил свою школу, причем за обучение в ней денег не брал.

И до Платона, и после него существовало множество философских школ: поэтическая, которую создали Орфей, Гомер, Мусей и Гесиод; другая школа возникла из ионийского учения, основоположниками ее были Гераклит, Фалес и Анаксагор: существовали также школы Пифагора и Парменида.

После Платона появились стоическая, эпикурейская, перипатетическая школы, а также школа Новой академии.

По сравнению с каждой из этих школ Платон обнаружил свое превосходство.

Но подлинный триумф Платона мы видим в самом факте его наследия, в его многогранности, информативности, глубине и даже форме.

Почему воспользовался он формой диалога? Диалог – это произведение, состоящее из вопросов и ответов двух действующих лиц. Эта форма дает возможность увидеть как ха-

ракти персонажей, так и воссоздать их мнения наиболее достоверно и объемно. Более того, мы видим обмен мнениями, аргументы и изменение мнения обоих участников в процессе диалога.

Диалог, таким образом, выгодно отличается от просто рассуждения о чем-либо, будь то устройство государства или дружба и честолубие.

Платон хотел привести читателя к согласию со своими доводами, пользуясь не сухими рассуждениями, а вкладывая аргументы в уста спорящих. Кроме того, диалог, безусловно, гораздо интереснее, чем просто повествование или рассуждение.

Действующие лица в диалоге описаны не всегда точно как в жизни, но и не все в них вымышлено (иначе они не получились бы правдивыми). Платон отбирает только те черты, которые помогают ему показать что-то одно, подобно тому как выбирают краски для изображения какого-то одного предмета. Благодаря Платону мы знаем так много о философам разных школ того времени, и это чрезвычайно ценно для истории.

Разные исследователи в разном порядке располагают диалоги: хронологически, тематически, группируя персонажей диалогов по родственным школам. В диалогах, которые содержит данное издание, содержатся в хронологическом порядке те беседы и рассуждения, которые посвящены Сократу – любимому учителю Платона. В то же время они затрагива-

ют важнейшие философские темы: о благочестии, о долге и о душе. Это не только увлекательный рассказ о философях, обществе и жизни того времени, но прикосновение к началу того, из чего выросли все современные философские течения и идеи.

Евтифрон, или о благочестии

1

Евтифрон. Что случилось, Сократ? Почему покинул ты пребывание свое в Ликее¹ и пребываешь теперь здесь, у Царского Портика²? Ведь не ведешь же ты гражданское какое дело у царя³, как я?

Сократ. Конечно, нет! Афиняне, Евтифрон, называют дело это, во всяком случае, не гражданским, а уголовным.

В Евтифрон. Что ты говоришь?! Тебя, значит, обвиняют в уголовном преступлении? Ведь не могу же я допустить, будто ты обвиняешь другого.

¹ Ликей – гимнасий, в восточной части Афин, обычное местопребывание Сократа.

² Царский Портник, расположенный на афинской агоре (городской площади), служил присутственным местом архонта царя. Это было одно из древнейших общественных зданий в Афинах. В Портнике, представлявшем большую залу, которая могла служить для собраний, стояли вырезанные на каменных пилястрах копии законов Солона, а также и другие важные законодательные акты.

³ К числу функций архонта-царя относилось, между прочим, разбирательство дел, касающихся преступлений против культа и религии, в том числе и дела по обвинению в нечестии (ἀορέβεια). Он же производил следствия по делам об убийствах, вследствие религиозного характера таких дел. Мелкие дела архонт-царь решал своею властью, более же важные представлял ареопагу, или эфетам; если дело было подсудно суду присяжных, то он председательствовал при разборе.

Сократ. Еще бы!

Евтифрон. Выходит, другой обвиняет тебя?

Сократ. Вот именно.

Евтифрон. Да кто же это?

Сократ. Я и сам хорошенько не знаю, Евтифрон, его. По-видимому, кто-то из молодых, с кем я незнаком. Прозывается он, сдается мне, Мелетом, а по дому он питфеец⁴. Представляешь себе какого-то питфейца Мелета, такого, с прилизанными волосами, с жиденькою бородою, горбоносого?

^C Евтифрон. Нет, Сократ, не представляю. Но в каком же преступлении он обвиняет тебя?

Сократ. В каком? Не в маловажном, кажется мне. В молодые годы да распознать такое серьезное дело – не шутка! Ведь Мелет, как он утверждает, знает, как развращают молодых людей, знает и кто их развращает. Выходит, он – мудрец своего рода.

² Усмотрев, как я, по своему невежеству, развращаю его сверстников, он выступает обвинителем против меня, как бы пред матерью – пред государством. И кажется мне, из государственных мужей он один только правильно и берется за дело.

⁴ Мелет, один из обвинителей Сократа, обыкновенно отождествляется с трагическим поэтом, конца V в., Мелетом; вряд ли такое отождествление правильно; вероятно, поэт Мелет был отцом Мелета, обвинителя Сократа. См. J. Kirchner, *Prosopographia Attica*, II, Берл. 1903, № 9830. Оба Мелета приписаны были к дему (сельскому округу, волости) Питфу, расположенному в средней части Аттики, к с.-в. от Афин.

D Ведь правильно – сперва позаботиться о молодых людях, чтобы они были как можно лучше, подобно тому, как хороший земледелец, естественно, сначала будет заботиться о молодых насаждениях, а затем уже и обо всех прочих.

3 Вот и Мелет, должно быть, выполоть хочет нас, развращающих, как говорит он, молодые побеги, а затем, после этого, он, очевидно, позаботится и о тех, кто постарше, и окажется виновником величайших благ для государства. Этого, естественно, должно ожидать от того, кто начал с такого начала.

Евтифрон. Хотел бы я, чтобы так было, Сократ. Только опасаясь, как бы не вышло наоборот: сдается мне, он просто-напросто «начинает с очага»⁵ приносить зло государству, пытаясь поступить с тобою несправедливо. Но скажи мне, что же, по его утверждению, ты делаешь такого, что развращаешь молодых людей.

В Сократ. Послушать его, любезнейший, так одни нелепости. Он утверждает, будто я сочиняю богов. За то, что я сочиняю новых богов, а старых не признаю, – вот за это-то, как он утверждает, он и подал на меня жалобу.

Евтифрон. А, понимаю, Сократ! Это потому, что, как ты сам утверждаешь, у тебя сплошь да рядом бывает демоний⁶. Значит, он подал на тебя это обвинение за то, что ты вводишь

⁵ «Начинает с очага» – пословица (схол. к «Осам» Аристофана, 846) в значении начинать что-либо с самого корня, так как очаг считался главной и священной частью дома.

⁶ «Демоний» Сократа – «благотворное провиденциальное внушение, обращавшееся в единичных случаях к его разумной воле, но не в форме только внутреннего сознания, а и внешним ощутительным образом. Платон и Ксенофонт согласно свидетельствуют, что демоний говорил Сократу помощью звука и знака. По содержанию этих внушений, всегда целесообразных (в высшем нравственном смысле), их нельзя признать за простые болезненные галлюцинации, а по их ощутительной форме их нельзя отождествить с голосом совести или категорическим императивом» (Вл. Соловьев). Подробности см. у Н. Maier, Sokrates, sein Werk und seine geschichtliche Stellung, Тюбинген 1913, 450 сл.

новшества в дела, касающиеся религии. И, конечно, подавая в суд, он клеветает, так как знает, что большинство охотно верит подобным клеветам.

С И меня, когда я говорю в народном собрании о чем-нибудь, касающемся религии, и предсказываю будущее, высмеивают, как сумасшедшего. Хотя в том, о чем я давал предсказания, я не сказал никакой неправды, все-таки они завидуют таким людям, как мы с тобою. Только на них не следует вовсе обращать внимания, а надо идти своею дорогой.

Первая страница диалога «Евтифрон»

Сократ. Да, дорогой Евтифрон, попасть на смех, пожалуй, и не велика печаль! Афинян-то, сдается мне, не очень тревожит тот, кого они считают сильным в мудрости, но неспособным обучать ей. Зато на того, кто, по их мнению, других делает мудрыми, они гневаются, либо из зависти, как ты говоришь, либо по чему иному.

Д Евтифрон. Ну, тем, как они ко мне относятся, я не очень-то интересуюсь.

Сократ. Быть может, по их мнению, ты редко бываешь на виду и не желаешь обучать своей мудрости. А за себя я опасаюсь, как бы им не показалось, что я, из человеколюбия, подробно беседую со всяким о том, что могу сказать, не только безвозмездно, но еще готов с удовольствием и сам приплатить тому, кто желает меня слушать. Итак, если афиняне, как я только что говорил, собираются посмеяться надо мною, как, по твоим словам, они смеются над тобою, ничего не было бы тут неприятного – пошутить и посмеяться в суде.

Е Если же они взглянут на дело серьезно, то что из этого произойдет, известно только вам, предсказателям.

Евтифрон. А, может быть, Сократ, и ничего не будет – ты свой процесс проведешь удачно, а я, думается мне, – свой.

Сократ. А у тебя, Евтифрон, какое дело в суде? Тебя преследуют судом, или ты кого преследуешь?

Евтифрон. Я преследую.

Сократ. Кого?

⁴ Евтифрон. Преследую такого человека, что снова сочтут меня сумасшедшим.

Сократ. Как так? Преследуешь летящего⁷?

Евтифрон. Где ему летать? Очень уже он стар.

Сократ. Кто это?

Евтифрон. Мой отец!

Сократ. Твой отец, любезнейший?!

Евтифрон. Он самый.

Сократ. В чем же обвинение? О чем идет дело?

Евтифрон. Об убийстве, Сократ.

^B Сократ. Геракл! Конечно, Евтифрон, большинству-то неизвестно, как тут было бы правильным поступить. Я думаю, первый встречный не найдет правильного выхода; найдет его только тот, кто уже далеко ушел в мудрости.

Евтифрон. Конечно, Сократ, клянусь Зевсом, тот, кто далеко ушел.

Сократ. Само собою разумеется, умерший по вине твоего

⁷ Поговорка, имеющая смысл «гоняться за чем-нибудь несбыточным».

отца кто-нибудь из близких? Не так ли? Не стал бы ты обвинять отца из-за кого-нибудь чужого.

Евтифрон. Смешна, Сократ, твоя мысль, будто есть разница, кто умерший – чужой или близкий. Ты не считаешься с необходимостью следить только за тем, имел ли убийца совершить убийство, или не имел, и, если имел право, то оставить его в покое, если не имел, – преследовать его судом, хотя бы убийца был твоим сожителем и сотрапезником.

С Ведь ты осквернишь себя в равной мере, если заведомо будешь проживать вместе с таким человеком и не очистишь себя и его, обратившись к суду... Умерший состоял у меня на службе, и, когда мы обрабатывали землю на Наксосе, был там у нас поденщиком⁸. Напившись пьяным и рассердившись на одного из наших рабов, он его зарезал. Отец связал ему ноги и руки, бросил его в ров и послал сюда, в Афины, человека справиться у эксегета⁹, как поступить.

Д В течение этого времени он оставил без внимания связанного, относился к нему, как к убийце, беззаботно – не важное, дескать, дело, если и умрет. А это как раз и случи-

⁸ Евтифрон и его отец были клерухами на острове Наксосе (один из Кикладских островов), т. е. имели там земельный надел.

⁹ Эксегеты – официальные должностные лица в Афинах, на обязанности которых лежало быть истолкователями сакрального права; они давали толкования, в подлежащих случаях, преданиям и законоположениям, относящимся к области религии, между прочим, указывали средства очищения лицам, совершившим невольные убийства и пр. См. Н. И. Новосадский, Древнегреческие эксегеты. Журн. Мин. Нар. Просв. 1905, февраль.

лось. От голода, холода, от того, что он был связан, тот и умер, прежде чем прибыл посланный с вестью от эксегета. Вот за это-то и негодует на меня отец и прочие домашние, что я, из-за убийцы, обвиняю в убийстве отца, который, как они утверждают, и не убивал на самом деле, а если бы даже и убил – умерший-то был сам убийца, – то не стоит беспокоиться о таком человеке. Нечестиво, говорят они, сыну преследовать судом отца за убийство.

^Е Плохо они знают, Сократ, что такое божественное и как оно относится к тому, что благочестиво и нечестиво.

⁵ Сократ. А ты-то, Евтифрон, скажи, ради Зевса, самого себя считаешь настолько тонким знатоком в вопросах, относящихся к области божественного, благочестия и нечестия, что – допустим, все произошло так, как ты говоришь – не боишься совершить, в свою очередь, нечестивое дело, привлекая к суду отца?

Евтифрон. Да я был бы никуда негодным человеком, Сократ, ничем не отличался бы Евтифрон от прочего большинства, если бы не знал всего этого в точности.

Сократ. Выходит, самое лучшее для меня, чудеснейший мой Евтифрон, стать твоим учеником и, прежде чем отвечать на обвинение Мелета, привлечь его к ответственности по тому же делу, заявив следующее: Я и в прежнее время высоко ценил знание всего, относящегося к божественному, а теперь, когда Мелет утверждает, будто я погрешаю в нем, вводя самочинно новшества, стал твоим, Евтифрон, учеником.

В Мелет, мог бы я сказать: если ты признаешь Евтифрона мудрым в подобных вещах, считай и меня мыслящим о них правильно и не судись со мною; в противном случае, сначала подавай жалобу на него, моего учителя, за то, что он развращает стариков, меня и своего отца, меня – уча, его – исправляя и наказывая. И если Мелет меня не послушается и не освободит от суда, или, если он не подаст жалобу на тебя, вместо меня, то уже не говорить ли мне и на суде то же самое, – дать ответ, за что я вызываю его?

С Евтифрон. Клянусь Зевсом, Сократ, если бы Мелет, действительно, попробовал подать на меня жалобу, я уже отыскал бы его слабое место, думаю я, и на суде у нас речь о нем пошла бы гораздо раньше, чем обо мне.

Сократ. Сознывая это, милый друг мой, я и горю желани-

ем стать твоим учеником. Я знаю, что как всякий другой, так и этот Мелет тебя-то, кажется, и не замечает, меня же он так ловко и легко заприметил, что подал на меня жалобу по обвинению в неблагочестии. А теперь, ради Зевса, скажи мне о том, что, как ты только что утверждал, твердо знаешь: что такое, по твоему утверждению, благочестие и нечестие, как в отношении к убийству, так и ко всему прочему?

Д Не бывает ли так, что во всяком деянии благочестие подобно самому себе, нечестие же, в свою очередь, будучи противоположно всему благочестивому, подобно самому себе и содержит в себе одну идею всякого нечестия, в чем бы оно ни проявлялось.

Евтифрон. Это, Сократ, во всяком случае, так.

Сократ. Скажи мне, что ты считаешь благочестием и что нечестием?

Евтифрон. Я утверждаю, что благочестие – это то, что я теперь делаю, а именно: преследовать судом преступного в убийстве, святотатстве или чем подобном, будь это отец, мать или кто другой; не преследовать судом такого человека будет нечестием.

Е И вот, посмотри, Сократ, какое я тебе приведу веское доказательство в пользу того, что все это соответствует установившемуся обычаю – я и другим уже говорил, что поступать так значит поступать правильно, – именно, не потакать нечестивому, кто бы он ни был.

⁶ Сами люди считают Зевса самым благим и самым справедливым из богов; между тем, по общему признанию, он заковал своего отца за то, что тот пожирал своих сыновей вопреки справедливости, а отец Зевса, в свою очередь, оскотил своего отца за нечто другое в таком же роде. А на меня сердятся за то, что я преследую судом отца за его несправедливый поступок. Таким образом, люди противоречат самим себе, когда они говорят о богах и обо мне.

Сократ. Уже не за то ли и я, Евтифрон, подвергаюсь уголовному преследованию, что я, всякий раз как говорят нечто

подобное о богах, как-то с трудом соглашаюсь с этим. Поэтому-то, по-видимому, и будут утверждать, что я грешник.

В Теперь же, коль скоро и тебе, хорошему знатоку всех подобных вещей, тоже так кажется, необходимо, по-видимому, и мне с этим согласиться. Да и что сказать нам, нам, которые сами признаются, что они об этих вещах ничего не знают? Но, ради Покровителя Дружбы¹⁰, скажи мне: ты-то сам полагаешь взаправду, что все это так действительно и было¹¹?

Евтифрон. Были вещи и еще куда удивительнее этого, Сократ; большинство о них и понятия не имеет.

¹⁰ Эпитет Зевса.

¹¹ Т.е. что рассказывается о Зевсе и пр.

124545

Мозаика «Платоновская академия»

С Сократ. Следовательно, ты думаешь, между богами, в самом деле, бывали междоусобная война, страшная нена-

висть, боевые схватки и многое иное в таком же роде, о чем говорят поэты и чем пестро изукрашивают славные наши живописцы всякие священные предметы, между прочим, и тот пеплос, заполненный подобного рода узорами, который, во время Великих Панафинеи, везут на акрополь¹²? Скажем ли мы, Евтифрон, что все это – правда?

Евтифрон. Не только это, Сократ, но, как я только что упомянул, и многое иное; если хочешь, я могу тебе привести насчет божественного такие рассказы, что, услышав их, ты будешь, я уверен, поражен.

¹² Великие Панафинеи – главнейший афинский праздник в честь богини покровительницы города, Афины, справлялся в конце месяца Гекатомбеона, около середины нашего августа. Самую блестящую часть праздника составляла торжественная процессия, во время которой богине приносился пеплос, роскошная одежда для статуи, вытканная избранными афинскими гражданками. Пеплос развешивался в виде паруса на модели корабля и в таком виде провозился по главным улицам и площади города на акрополь, в храм богини, Парфенон. Вытканый из шерсти пеплос, вероятно, шафранового цвета, был украшен изображениями, воспроизводящими различные эпизоды из борьбы богов с гигантами.

Сократ. Что мудреного! Только об этом ты мне расскажешь потом, на досуге, а теперь постарайся яснее высказаться о том, о чем я тебя только что спрашивал.

^D Ведь ты, друг мой, на мой предыдущий вопрос не дал достаточных разъяснений – чем может быть благочестие. Ты сказал только, что то, что ты теперь делаешь, т. е. судом преследуешь отца за убийство, благочестиво.

Евтифрон. И я правду говорил, Сократ.

Сократ. Может быть. Но ведь Евтифрон, ты считаешь, что и многое другое бывает благочестивым?

Евтифрон. Да, бывает.

Сократ. Ведь ты помнишь, что я просил тебя разъяснить мне не какой-либо один или два вида из большей части того, что относится к благочестивому, я просил тебя разъяснить мне тот вид благочестивого, при котором все благочестивое – благочестиво? Ты же сказал, что в силу одной идеи нечестивое является нечестивым, благочестивое благочестивым?

^E Не помнишь этого?

Евтифрон. Помню.

Сократ. Разъясни же мне эту идею, что она такое, чтобы я, взирая на нее и руководствуясь ею, как примером, мог утверждать, в случае, если бы ты или кто другой поступал подоб-

ным образом, что это благочестиво, а если не подобно, то утверждал бы, что это – нечестиво.

Евтифрон. Если хочешь, Сократ, я тебе это изложу.

Сократ. Разумеется, хочу.

⁷ Евтифрон. Итак: что любезно богам – благочестиво, что не любезно – нечестиво.

Сократ. Превосходно, Евтифрон! Как я хотел, чтобы ты ответил, так теперь ты и ответил. Однако, верно ли ты ответил, этого я еще не знаю; впрочем, ты, очевидно, дальше разъяснишь, что то, что ты говоришь, верно.

Евтифрон. Конечно.

Сократ. Итак, разберем же, что мы утверждаем. Боголюбное и боголюбезный человек – благочестивы, богоненавистное и богоненавистник – нечестивы. Благочестивое и нечестивое – не одно и то же, но совершенно противоположное. Так?

Евтифрон. Так.

Сократ. По-видимому, это правильно сказано?

^В Евтифрон. Кажется, да, Сократ¹³?

Сократ. А что боги заводят распри, Евтифрон, что они бывают не согласны между собою, что среди них возникает взаимная вражда – об этом разве не говорят?

Евтифрон. Говорят.

Сократ. А вражду и гнев, любезнейший, вызывает несогласие относительно чего? Разберем это так: допустим, что мы, я да ты, не согласны в том, какое из двух чисел больше. Разве несогласие насчет этого сделает нас врагами, заставит нас сердиться друг на друга? Разве, произведя вычисление в данном случае, мы не пришли бы быстро к соглашению?

^С Евтифрон. Конечно, пришли бы.

Сократ. А если бы мы были не согласны насчет большего

¹³ После этих слов в рукописях стоит εἴρηται γὰρ «ибо сказано». Эти слова, следуя Наберу, считаю вставкой.

и меньшего, разве мы не прекратили бы быстро наше разногласие, обратившись к измерению?

Евтифрон. Это так.

Сократ. А обратившись к взвешиванию, мы, я думаю, разобрали бы, что тяжелее, что легче?

Евтифрон. Еще бы!

Сократ. А насчет чего мы, оказавшись несогласными и не будучи в состоянии прийти к какому-либо¹⁴ решению, стали бы врагами друг другу, пришли бы в гнев? Быть может, под рукою у тебя нет ответа, так посмотри, что я думаю на этот счет: не будет ли это – справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное, доброе и злое?

^Д Разве именно не это побуждает нас ссориться между собою, не быть в состоянии прийти к удовлетворительному решению и, в результате, стать врагами друг другу и меня, и тебя, и всех прочих людей?

Евтифрон. Да, Сократ, бывает разногласие и насчет всего этого.

Сократ. А боги-то, Евтифрон, как же? Если они в чем не согласны, то не бывают ли они не согласны именно из-за этого же?

Евтифрон. Обязательно так.

^Е Сократ. Следовательно, и из богов, почтенный Евтифрон, судя по твоим словам, одни считают справедливым од-

¹⁴ Следую поправке Шанца ἐπὶ τινὰ вместо рукописного ἐπὶ τίνα.

но, другие – другое; то же и относительно прекрасного и безобразного, доброго и злого. Ведь не заводили бы боги взаимных распрей, если бы были согласны насчет этого. Не так ли?

Евтифрон. Правильно ты говоришь.

Сократ. Значит, каждый из них то, что считает прекрасным, добрым, справедливым, любит, а противоположное этому – ненавидит?

Евтифрон. Конечно.

⁸ Сократ. Признавая одно и то же, как ты утверждаешь, одни справедливым, другие – несправедливым, боги расходятся во мнениях, заводят распри, воюют между собою? Не так ли?

Евтифрон. Так.

Сократ. Следовательно, как будто, одно и то же боги и ненавидят и любят, и одно и то же может быть и богоненавистным и боголюбезным.

Евтифрон. Как будто.

Сократ. И благочестивым, и нечестивым, Евтифрон, может быть одно и то же, согласно этому рассуждению.

Евтифрон. По-видимому.

Сократ. Значит, удивительный ты человек, ты не дал ответа на мой вопрос. Ведь я спрашивал не о том, что, будучи тождественным, бывает и благочестивым и нечестивым; оказалось, то же самое, что боголюбезно и богоненавистно.

В Таким в образом, Евтифрон, в том, что ты теперь делаешь, карая своего отца, нет ничего удивительного, коль скоро, поступая так, ты делаешь Зевсу любезное, Кроносу и Урану враждебное, Гефесту – приятное, Гере – враждебное¹⁵; и если какой-либо из богов не согласен с другим насчет этого, ты и в отношении к ним поступаешь точно так же.

Евтифрон. Но, я думаю, Сократ, все боги согласны между собою насчет того, что убивший кого-либо несправедливо, должен дать за это ответ.

С Сократ. Прекрасно! А от людей, Евтифрон, слышал ты, чтобы кто оспаривал, что убивший несправедливо или поступивший в чем другом несправедливо, не должен давать за это ответа?

Евтифрон. О, они постоянно спорят об этом и в судах, и в других местах. Поступая в очень многом несправедливо,

¹⁵ Кронос – сын Урана, отец Зевса. По наущению Кроноса, Уран был оскотлен, Кронос же, в свою очередь, лишен власти Зевсом и низвергнут в Тартар. Гефест, которого его мать, Гера, столкнула с Олимпа на землю, отомстил ей тем, что сковал ее.

они все делают, все говорят, лишь бы избежать суда.

Сократ. Но согласны ли они, Евтифрон, в том, что они в данном случае поступают несправедливо, и, будучи согласны в этом, тем не менее утверждают, что не должны за это давать ответа?

Евтифрон. Никоим образом.

Сократ. Значит, они не все делают и говорят. Ибо, думаю я, этого они не осмеливаются говорить и оспаривать, будто не следует давать ответа даже в том случае, когда они поступают несправедливо. По-моему, они просто отрицают, что поступают несправедливо. Не так ли? Евтифрон, правильно ты говоришь.

Сократ. Следовательно, они оспаривают не то, будто поступающий несправедливо не должен давать ответа, но, пожалуй, они спорят о том, кто поступает несправедливо, каким образом и когда.

Д Евтифрон. Правильно.

Сократ. Не то же ли самое, значит, бывает и с богами, когда они, как ты говоришь, поднимают распри из-за справедливого и несправедливого, и при этом одни утверждают, что другие поступают с ними несправедливо, а другие отрицают это?

Е Этого-то, чудеснейший, никто ни из богов, ни из людей, во всяком случае, не осмелится утверждать, будто поступающий несправедливо не должен давать ответа.

Евтифрон. Это, Сократ, ты говоришь верно, по крайней

мере, в главном.

Сократ. О каждом отдельном случае, Евтифрон, спорящие спорят, и люди и боги, – если только спорят боги. Не будучи согласны относительно какого-либо деяния, одни утверждают, что оно содеяно справедливо, другие – несправедливо. Не так ли?

Евтифрон. Конечно.

⁹ Сократ. А теперь, друг мой Евтифрон, научи-ка и меня, чтобы мне стать мудрее: чем ты можешь доказать, что все боги считают несправедливо погибшим того, кто, служа поденщиком, оказался убийцею и, будучи связан господином убитого, преждевременно умер вследствие того, что был связан, ранее чем связавший его узнал от эксегетов, что с ним нужно делать, и что из за такого-то человека правильно будет сыну преследовать судом отца и обвинять его в убийстве?

В Ну-ка, постарайся мне как-нибудь ясно доказать, что все боги считают этот поступок в всего более правильным. Если ты представишь мне достаточные доказательства, я всегда буду прославлять тебя за мудрость.

Евтифрон. Не малое, пожалуй, дело будет это, Сократ; тем не менее я мог бы доказать тебе это совершенно ясно.

Сократ. Понимаю: я кажусь тебе менее понятливым, чем судьи; им-то ты, очевидно, докажешь, что это дело – несправедливое и что все боги ненавидят такого рода поступки.

Евтифрон. Докажу с полной очевидностью, Сократ, если только судьи будут слушать мою речь.

С Сократ. Да они будут слушать, если им покажется, что ты правильно говоришь. А вот что пришло мне на ум, пока ты говорил, и о чем я думал про себя: Если бы Евтифрон как нельзя лучше разъяснил мне, что все боги признают такого рода смерть несправедливою, чем увеличились бы мои сведения насчет того, что же такое, наконец, благочестие и нечестие? По-видимому, этот поступок все-таки был богоненавистным. Но не этим, как только что мы решили, дается определение благочестия и нечестия, ибо богоненавистное оказалось в то же время и боголюбезным.

Д Итак, от этого, Евтифрон, я тебя увольняю: если хочешь, пусть все боги признают это несправедливым и пусть все его ненавидят. Но не внести ли нам в наше теперешнее рассуждение такую поправку: то, что все боги ненавидят, нечестиво; то, что они любят, благочестиво; то же, что одни боги любят, другие ненавидят, будет ни то, ни другое, либо и то и другое. Не хочешь ли дать теперь такое определение благочестия и нечестия?

Евтифрон. Что этому препятствует, Сократ?

Сократ. Для меня, по крайней мере, Евтифрон, никакого препятствия тут нет, но подумай о себе: если ты предположишь это, легко ли будет тебе разъяснить мне то, что ты

обещал?

Е Евтифрон. Но я готов был бы утверждать, что благочестие – то, что все боги любят, и, наоборот, нечестие – то, что все боги ненавидят.

Сократ. Итак, будем ли мы, Евтифрон, рассматривать, правильно ли это утверждение, или оставим без рассмотрения и примем и за себя самих, и за всех прочих, если только кто-либо будет что-либо утверждать – считать дело так, как мы согласились его считать? Или следует рассмотреть, что имеет в виду утверждающий?

Евтифрон. Следует рассмотреть. Что касается, впрочем, меня, то, по-моему, это теперь сказано правильно.

¹⁰ Сократ. Скоро, добрейший, мы это узнаем еще лучше. Обрати внимание на следующее: потому ли боги любят благочестивое, что оно благочестиво, или оно благочестиво потому, что его любят боги?

Евтифрон. Не соображаю, что ты говоришь, Сократ.

Сократ. Попробую выразиться яснее. Мы называем нечто несомым и несущим, ведомым и ведущим, видимым и видящим; понимаешь ли ты, что все это отличается одно от другого и чем оно отличается?

Евтифрон. Да, мне кажется, понимаю.

Сократ. Стало быть, и любимое есть одно, любящее – нечто другое?

Евтифрон. Да.

^В Сократ. Скажи же мне, есть ли несомое несомо потому, в что его несут, или по какой иной причине?

Евтифрон. Именно по этой причине.

Сократ. И ведомое – ведомо потому, что его ведут, и видимое – видимо потому, что его видят?

Евтифрон. Конечно.

Сократ. Не потому, следовательно, что-нибудь видят, что оно видимо, а наоборот, потому оно и видимо, что его видят. Не потому что-нибудь ведут, что оно ведомо, но оно ведомо,

потому что его ведут. Не потому что-нибудь несут, что оно несомо, но потому оно несомо, что его несут. Ясно ли, Евтифрон, что я хочу сказать?

С А хочу я сказать вот что: если что-нибудь происходит, или если что-нибудь претерпевает, то оно не потому происходит, что бывает происходящим, а потому оно бывает происходящим, что происходит, не потому претерпеваем что бывает претерпевающим, а потому оно бывает претерпевающим, что претерпевает¹⁶. Или ты с этим не согласен?

Евтифрон. Нет, согласен.

Сократ. Итак, не есть ли и любимое нечто происходящее или претерпевающее что-либо от чего-либо?

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. И тут, следовательно, дело обстоит так же: не потому что-либо любят, что оно любимо тем, кто его любит, но потому оно любимо, что его любят?

Евтифрон. Непременно.

Д Сократ. Что же сказать нам о благочестивом, Евтифрон? Не то ли, что его любит все боги, как ты говорил?

Евтифрон. Да.

Сократ. Потому что оно благочестиво, или по какой другой причине?

Евтифрон. Нет, именно по этой.

Сократ. Следовательно, его любят потому, что оно благо-

¹⁶ Применительно к теперешней терминологии Сократ говорит об активном и пассивном состояниях.

честиво, а не потому оно благочестиво, что его любят?

Евтифрон. Казалось бы так.

Сократ. Но боголюбезное, конечно, боголюбезно и любимо потому, что его любят боги.

Е Евтифрон. Как же иначе?

Сократ. Следовательно, боголюбезное не есть благочестие, Евтифрон, равно как и благочестие не есть боголюбезное, как ты говоришь, но одно – одно, другое – другое.

Евтифрон. Каким образом, Сократ?

Сократ. Потому что, – мы согласились в этом, – благочестие любят потому, что оно благочестиво, а не потому оно благочестиво, что его любят. Разве не так?

Евтифрон. Так.

Сократ. И боголюбезное потому, что его любят боги, от этой самой любви и есть боголюбезное, а не потому его любят, что оно боголюбезно.

Евтифрон. Правду ты говоришь.

¹¹ Сократ. А если бы, друг мой Евтифрон, боголюбезное и благочестивое было тождественно, то в том случае, если бы благочестивое любили ради благочестивого, и боголюбезное любили бы потому, что оно боголюбезно, а с другой стороны, если бы боголюбезное было боголюбезно потому, что его любят боги, то благочестие было бы благочестиво потому, что его любят. А теперь, ты видишь, выходит наоборот, так как благочестие и боголюбезное вовсе не тождественно: одно вызывает любовь тем, что его любят, другое любят потому, что оно вызывает любовь. И выходит, Евтифрон, что на заданный тебе вопрос, что такое благочестие, ты, как будто, не хочешь раскрыть мне его сущность, а говоришь, что оно любимо всеми богами. Между тем, это есть лишь некоторое состояние, испытываемое благочестием; а в чем его сущность, этого ты еще не сказал.

В Будь любезен, не скрывай от меня, а скажи опять, с начала, что же такое в благочестии в его сущности – безразлично, любят ли его боги и испытывает ли оно какое бы то ни

было состояние; ведь об этом у нас разногласия не будет; ты только скажи вполне определенно: что такое благочестие и нечестие?

Евтифрон. Не знаю я, Сократ, как выразить тебе свою мысль. Кружится как-то все время вокруг нас все то, что мы предположим, и не хочет оставаться там, где мы его утвердим.

Сократ. На изделия моего предка, Дедала, похоже, Евтифрон, то, что ты говоришь¹⁷.

С И если бы я все это говорил и определял, то, пожалуй, ты стал бы смеяться над мною, — что, вот, и у меня, по родству с Дедалом, мои словесные изделия убегают и не желают оставаться там, где их поставят. Но теперь это ведь твои собственные предположения, так что нужна другая какая-то шутка: твои предположения не хотят оставаться у тебя, как и самому тебе это кажется.

Евтифрон. А мне, Сократ, думается, та же шутка почти что приложима и к моим словам. Ведь не я вложил в них то, что они ходят вокруг и не остаются на одном месте; ты же, по-моему, и есть настоящий Дедал: насколько, по крайней мере, от меня зависит, мои слова так бы и оставались на одном месте.

¹⁷ Дедал — мифический родоначальник всякого рода художественной деятельности, по более поздней легенде сам скульптор, умевший извлекать самодвижущиеся статуи. Сократ называет Дедала своим предком, так как отец Сократа был скульптором или, скорее, просто формовщиком.

Сократ. Я, друг мой, оказываюсь, по-видимому, посильнее в искусстве, чем Дедал, поскольку он-то только одни свои произведения делал подвижными, я же, сверх своих произведений, делаю таковыми, как кажется, и чужие. И, разумеется, наибольшая тонкость моего искусства заключается в том, что я, помимо своей воли, мудрец: ведь я хотел бы, чтобы мои рассуждения оставались и незыблемо утверждались, более, чем хотел бы обладать, сверх мудрости Дедала, еще и богатством Тантала¹⁸.

Е Но довольно об этом. Так как, мне кажется, ты распустился, то я сам приду тебе на помощь, чтобы ты научил меня насчет благочестия; ты только не отставай. Посмотри-ка: не кажется ли тебе необходимым, чтобы все благочестивое было справедливым?

Евтифрон. Мне, конечно, кажется.

¹² Сократ. Следовательно, все справедливое благочестиво? Или же все благочестивое – справедливо, но не все справедливое – благочестиво, а одно справедливое – благочестиво, другое же – еще и нечто иное?

Евтифрон. Не поспеваю за ходом твоих рассуждений, Сократ.

Сократ. А, ведь, ты моложе меня на столько же, насколько и мудрее. Говорю же я, что ты распустился от богатства своей мудрости. Ну-ка, подтянись, любезнейший: вовсе нетруд-

¹⁸ Богатство мифического царя Фригии Тантала вошло у греков в поговорку.

но сообразить, что я говорю. А говорю я как раз противоположное тому, что сочинил поэт, сказавший:

Зевса, все это создавшего и все насадившего,

В Он не желает бранить: ибо где страх, там и стыд¹⁹.

Я с этим поэтом не согласен. Сказать тебе – в чем?

Евтифрон. Конечно, скажи.

Сократ. Мне не думается, что «где страх, там и стыд». Мне кажется, боясь болезни, бедности и многого тому подобного, люди страшатся всего этого, но нисколько не стыдятся того, чего боятся. Разве, по твоему, не так?

Евтифрон. Конечно, так.

С Сократ. Но зато, где стыд, там и страх. Действительно, существует ли такой человек, который, стыдясь какого-либо поступка и совестясь его, не страшился бы в то же время его и не боялся бы дурной молвы?

Евтифрон. Конечно, всякий боится.

Сократ. Поэтому неправильно говорить: где страх, там и стыд, а нужно говорить: где стыд, там и страх; во всяком случае, не везде, где страх, там и стыд, так как, я думаю, страх касается большего числа случаев, чем стыд. Ведь, стыд – часть страха, все равно, как нечетное число – часть числа, так что не всегда, когда есть число, там есть и нечетное число, но где есть нечетное число, там есть и число. Теперь-то

¹⁹ По свидетельству схолиаста к данному месту, стихи происходят из поэмы, т. наз., эпического цикла «Кипрские песни», приписанной поэту Стасину. См. Kinkel, *Epie, graec. fragm.* I, p. 30, fr. 20.

сведишь кое-как за мною?

Евтифрон. Ну, конечно.

Д Сократ. Ведь нечто подобное я имел в виду и тогда, когда задавал вопрос: где справедливое, там ли и благочестивое? Или же где благочестивое, там и справедливое, а где справедливое, там не всегда благочестивое, так как благочестивое есть часть справедливого? Так ли это? Или тебе иначе кажется?

Евтифрон. Нет, именно так. Мне сдается, ты говоришь правильно.

Сократ. Смотри, что за этим следует. Если благочестивое – часть справедливого, мы должны, по-видимому, отыскать, какая именно часть справедливого – благочестивое. Если бы ты задал мне вопрос о том, скажем, о чем только что шла речь: положим, какую часть числа составляет число четное, и что это за число, я ответил бы: это есть такое число, которое не хромает на одну сторону, но держится на равных сторонах²⁰. Или, по-твоему, не так?

Евтифрон. Нет, так.

Е Сократ. Вот ты и постарайся разъяснить мне таким же образом, какую часть справедливого составляет благочестивое. Тогда я и Мелету могу сказать, чтобы он больше нас не обижал и не обвинял в неблагочестии, так как мы уже в достаточной мере от тебя научились тому, что такое набожное и благочестивое и что – нет²¹.

²⁰ Это уподобление стоит в связи с представлением о равнобедренном треугольнике («держится на равных сторонах»), в противоположность к представлению о разностороннем треугольнике («хромает на одну сторону»).

²¹ Ранее в диалоге Платон пользуется словом *δοιος* для выражения понятия «благочестивый». Теперь, и далее, он, наряду с ним, вводит и слово *εὐοεβής*, что значит также «благочестивый», хотя и с иным оттенком (см. введение). Причина, побудившая Платона ввести слово *εὐοεβής* на ряду с *δοιος*, заключается в том, что строкою выше Сократ говорит об обвинении его Мелетом в *ἀσέβεια*. Мы переводим в данном случае *εὐοεβής* «набожный».

Евтифрон. В таком случае, Сократ, по-моему, набожное и благочестивое есть та часть справедливого, которая имеет отношение к служению богам, а та часть, которая относится к служению людям, есть остальная часть справедливого.

¹³ Сократ. И, мне кажется, ты правильно говоришь. Евтифрон. Мне недостает только еще безделицы: не понимаю я, что это значит служение, о котором ты упомянул. Ведь не хочешь же ты сказать, что служение богам нечто в таком же роде, как и остальные виды служений. Ведь говорим же мы, например, что не всякий умеет обращаться с лошадьми, а только конюх. Не так ли?

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Потому, что ремесло конюха и есть служба лошадям.

Евтифрон. Да.

Сократ. Конечно, и с собаками умеет обращаться не всякий, а только псарь.

Евтифрон. Так.

Сократ. Потому, что ремесло псаря есть служба собакам.

Евтифрон. Да.

^В Сократ. Ремесло пастуха есть служба скоту.

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Ну а благочестие и набожность пред богами, Евтифрон? Ты и это разумеешь так же точно?

Евтифрон. Так.

Сократ. Итак, не достигает ли всякое служение той же це-

ли? Не служит ли оно к некоему благу и пользе для того, кому служат? Не видишь разве ты, что лошади от применения к ним ремесла конюха получают пользу, становятся лучше? Или, по-твоему, не так?

Евтифрон. Нет, так.

С Сократ. То же и собаки от применения к ним ремесла с псаря, скот – пастуха и все прочее. Или, ты думаешь, такое служение бывает направлено ко вреду для того, кому служат?

Евтифрон. Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

Сократ. Значит, к пользе?

Евтифрон. Да как же иначе?

Сократ. Ну, а благочестие, будучи служением богам, есть ли польза для богов, делает ли оно их лучшими? И можешь ли ты согласиться, что, всякий раз как ты совершаешь что-либо благочестивое, ты тем самым делаешь кого-либо из богов лучшим?

Евтифрон. Да нет же, клянусь Зевсом.

Д Сократ. Да и я, Евтифрон, не думаю, чтобы ты утверждал это – вовсе нет! Поэтому-то я и задавал тебе вопрос, какое служение богам ты имеешь в виду, полагая, что ты говоришь не о таком служении.

Евтифрон. И правильно, Сократ. Я имею в виду не такого рода служение.

Сократ. Хорошо. Но, в таком случае, что же за служение представляло бы благочестие?

Евтифрон. А такое, Сократ, каким рабы служат своим гос-

подам.

Сократ. А, понимаю. Значит, это было бы, По-видимому, своего рода служба богам?

Евтифрон. Вот именно.

Сократ. Можешь ли ты сказать о службе врачам, к созданию какого дела служба эта, как таковая, ведет? Как, по твоему, не клонится ли она к созданию здоровья?

Евтифрон. Да.

Е Сократ. А служба корабельным мастерам? К созданию какого дела эта служба?

Евтифрон. Ясно, Сократ, что к постройке корабля.

Сократ. А служба строителям к постройке дома?

Евтифрон. Да.

Сократ. Скажи же, добрейший, чему служба богам могла бы служить? Ясно, ты это знаешь, так как, по твоему утверждению, тебе лучше чем кому-либо известно все, относящееся к области божественного.

Евтифрон. И это я правду говорю, Сократ.

Сократ. Скажи же, ради Зевса, что представляет собою то всепрекрасное дело, какое производят боги, пользуясь нами, как слугами?

Евтифрон. Много прекрасных дел, Сократ.

¹⁴ Сократ. Ведь и полководцы, мой друг, производят много и прекрасных дел, тем не менее ты легко мог бы назвать главное их дело – именно: они достигают победы на войне. Или не так?

Евтифрон. Так.

Сократ. Много прекрасных дел совершают и земледельцы, я думаю, и, однако, главное из них – добывание пищи из земли.

Евтифрон. Разумеется.

Сократ. Ну, а в том множестве прекрасного, что боги производят, какое же их занятие будет главным?

В Евтифрон. Несколько ранее я сказал тебе, Сократ, что в слишком большого труда стоило бы все это усвоить себе точно, в чем оно состоит. Все же попросту я скажу тебе: если кто умеет говорить и делать богам угодное, совершая молитвы и жертвоприношения, это и есть благочестие; все это охраняет и частную жизнь и государственные дела; противоположное же угодному есть неблагочестие; оно все ниспровергает и ведет к гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.